

Лингвистический сборник. [«Ученые записки Ин-та востоковедения (АН СССР)», т. IV] Отв. редакторы Н. И. Конрад, Г. Д. Санжеев, И. С. Брагинский. — М. Изд-во АН СССР, 1952. 411 стр.

Выпущенный Институтом востоковедения лингвистический сборник содержит ряд интересных статей, посвященных вопросам изучения китайского, японского, таджикского, а также монгольских и тюркских языков. Сборник открывается статьей Н. И. Конрада «О национальном языке в Китае и Японии» (в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию) (стр. 5—29). Статья, на наш взгляд, удачно разрешает поставленную задачу — осветить основные черты «процесса складывания и развития национальных языков» у двух народов — китайцев и японцев. Эта статья не предполагает у читателя каких-либо лингвистических сведений, а скорее считает его элементарно знакомым с новейшей историей обеих стран. Она с успехом могла бы быть помещена и не в лингвистическом издании. Ценность ее для лингвистов заключается в умении автора связать вопросы развития национального языка с историей соответствующей страны в самых общих и вместе с тем самых существенных чертах этой истории. Подобная задача требует от автора прекрасного знания как истории соответствующего языка, так и обширной литературы вопроса, начиная с деклараций литературных течений, с оценок литературных направлений видными политическими деятелями эпохи и ее историками и кончая высказываниями иностранцев по поводу распространенности в стране того или иного диалекта.

Статья — очень полезный комментарий к основным положениям И. В. Сталина относительно формирования национальных языков. Отметим, что для лингвиста, не специализирующегося по китайскому и японскому языкам, было бы желательным, чтобы автор, характеризуя то или другое явление в жизни языка, приводил примеры, причем на материале обоих языков. В статье же даются только ссылки на лексические и грамматические явления и при этом более по японскому языку, чем по китайскому.

Второй помещена в сборнике работа Г. Д. Санжеева (стр. 30—125). Она озаглавлена «Монгольские языки и диалекты». Эта статья — введение в сравнительную грамматику монгольских языков, первым том которой ныне вышел из печати¹. Из десяти глав статьи первые четыре посвящены образованию современных монгольских языков из диалектов единого монгольского языка, потерпевшего крах в результате распада империи Чингиз-хана, и отношению к этим современным языкам старое письменное языка и монгольских языков XIV—XV вв. Затем дается краткая характеристика языков монгольского, даурского и монгорского, более изслызованных, как от остальных монгольских языков, так и друг от друга и вместе с тем наименее изученных. Большая же часть обзора посвящена ойратскому, бурят-монгольскому и собственно монгольскому языкам, особенно двум последним как языкам национальным и имеющим литературную форму.

Работа интересна лично и популярно, сообщает много интересных подробностей о монгольских языках и их диалектах — подробностей, появляющихся в печати либо впервые, либо разбросанных в малодоступных изданиях. Ряд соображений — иногда спорного характера, а иногда подсказанных автору фактами из жизни монгольских языков — представляет интерес и для общего языкознания. К первым принадлежит, например, замечание на стр. 45 «по Марру, получалось, что процесс концентрации племен и народов в ранней истории был гораздо интенсивнее, нежели в эпоху классового общества и государственности. А между тем, конечно, в отдаленные от нас времена не было и не могло быть никаких экономических и прочих условий для подобного рода концентрации генетически совершенно разнородных этнических групп».

История монгольских языков, вероятно, подсказала автору следующее высказывание: «При прочих равных условиях кочевой уклад жизни способствует более быстрому процессу интеграции диалектов или препятствует дроблению последних на более мелкие говоры, тогда как оседлый образ жизни влияет в обратном направлении» (стр. 102). Таких интересных соображений в работе много.

Не вызывает возражений ни общий план работы, ни весьма обоснованное соотношение отдельных ее глав. Хорошо обстоит с планом подачи конкретного материала для характеристики фонетической системы и грамматической структуры описываемых языков. Неровность в освещении отдельных важных сторон различных монгольских языков (и при этом — тогда, когда это не может быть оправдано слабостью изученностью какого-либо момента), изложение мимоходом очень важных явлений — все это дает основание предполагать, что автор, когда писал свою работу, не имел перед собой продуманного перечня вопросов, на которые должны были быть даны ответы в отдельных частях обзора. Это относится к фонетике, которой автор уделяет наибольшее внимание, и к морфологии, а больше всего к синтаксису. Так, например, лишь косвенным путем и случайно читатель знакомится с явлением оглушения *θ* и *z* в конце слова

¹ 1. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1953.

в собственно монгольском языке. Не объяснено особо и явление сингармонизма, хотя оно в какой-то мере присуще всем монгольским языкам.

Если можно предполагать у немонголистов осведомленность о делении гласных по рядам переднему, среднему и заднему, то у автора нет оснований думать, что немонголисты имеют представление о подобном же делении согласных. Об ассимиляции согласных по звонкости не говорится ни слова, хотя такой вопрос неминуемо возникает у каждого при чтении такого слова, как *кабтасун*. Автор не раз употребляет термин «перелом», лишь мимоходом объясняя его и притом не при первом упоминании. Без всякого объяснения фигурируют термины «слабый и сильный согласные», кажется, синонимичные звонкому и глухому. Светения по морфологии весьма случайны. Не упоминается даже про агглютинативность монгольских языков, а примеры — очень скудные — даются без знака, отделяющего основу от аффиксов. Нам кажется неслучайным давать таблицу названий падежей и глагольных форм (старописьменного языка без всяких примеров и разъяснений) (стр. 55—56). Эту таблицу дублирует другая на стр. 108—111, срывающая формы халхаского и ордоского диалектов и старописьменного языка, к ней даются и примеры халхаского диалекта с переводом. Словообразованию специального внимания не уделяется. Синтаксические характеристики вообще даются попутно. Не получив никаких сведений о порядке слов, об оформлении определений и о служебных словах читатель на стр. 111 узнает, что монгольские языки почти не употребляют «придаточных-подчиненных предложений». Это интересное сообщение пришлось к слову по поводу обилия дееспричастий.

Во всем обзоре нет ни одного примера с монгольским предложением. Обзору явно не хватает главы, которая указывала бы место монгольских языков среди других и отношение монгольских языков к тюркским, тем более, что автор этих вопросов иногда касается (например, на стр. 52, где употребляется термин «алтайские языки»). В этой главе можно было бы дать и перечень черт, присущих всем монгольским языкам, с примерами из одного из них, наиболее характерного для каждого данного случая.

Необходим и толковый перечень условностей, в частности транскрипционных знаков, принципов транслитерации и транскрипции старописьменного языка. Автор употребляет не менее 12 транскрипционных знаков, которые он обязан был разъяснить. Это лат *i* и та же буква с двумя точками, русск *о* и *у* с одной и двумя точками над каждым из них, перевернутое *э*, модификации русск *к*, *г* и *н* для обозначения глубоко заднеязычности первых двух и заднеязычности последнего, лат *с* и *з* с сидилими и *с* без сидили, лат *h* и др.

Другим недостатком обзора является полное отсутствие каких-либо карт, совершенно необходимых и для глав II и IV, и для глав, посвященных диалектологии. В одном случае у автора есть даже нечто вроде ссылки на отсутствующую карту «Достаточно бросить беглый взгляд на этно-лингвистическую карту расселения бурят» (стр. 102).

Читателя затрудняет непоследовательность Г. Д. Санжеева в применении транскрипции и национальной графики. Как правило, автор применяет транскрипцию, что, на наш взгляд, в сравнительных обзорах является единственно правильным. Однако автор считает нужным сделать исключение для собственно монгольского языка, о чем и предупреждает читателя на стр. 108 и еще раз на стр. 109. Разумеется, что при сравнении звукового состава одних и тех же слов в разных языках и диалектах (например, на стр. 116) автор снова обращается к транскрипции, но уже забывает предупредить об этом читателя.

Остается сказать несколько слов о памятниках монгольских языков. Г. Д. Санжеев обещает дать библиографию во втором выпуске своей сравнительной грамматики, где, вероятно, будут упомянуты и издания памятников. На наш взгляд это несколько не исключает того, что и во введении должны быть библиографические и палеографические сведения о памятниках старописьменного языка. Для этого следовало бы отвести отдельную главу. Прекрасный пример того, как надо излагать такого рода сведения, дают наши советские слависты, в частности А. М. Селищев в первом выпуске своей книги «Старославянский язык». Совершенно нетерпимым (хотя это едва ли можно поставить в упрек только автору) является отсутствие таблиц старых монгольских алфавитов, без чего многое просто непонятно в главах, посвященных старописьменному языку и монгольским языкам XIV—XV вв.

Своевременность написания обзора монгольских языков, содержательность и популярность этого обзора делают желательным его переиздание отдельным выпуском. Переиздавая свой труд, автор должен учесть высказанные здесь соображения.

Примеру Г. Д. Санжеева должны последовать и другие лингвисты. Обзоры родственных языков, даже и не являющиеся введением в сравнительную грамматику этих языков, имеют большое значение для развития языкознания, а в частности, и для развития сравнительно-исторического метода, последнее — в тем большей степени, чем более будут они историчны.

Третья статья сборника — обзор А. К. Боровкова «Изучение языков народов Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языко-

ания» (стр. 126—146) — не имеет задачи повести итоги работы за какой либо период, как можно думать по заглавию. Автор показывает, какого рода ошибки характерны для исследований по тюркским языкам Средней Азии и Казахстана, а также и по таджикскому языку в период «лишь «нового учения» о языке»

Статья дает яркое представление о вульгарно-социологических приемах исследования и безответственном отношении к фактам сторонников Марра. По местам статья превращается в перечень марристских ошибок и их даже в тотловное указание на их наличие. Характерна в этом отношении «критика» составленной А. Н. Кононовым «Драмматики узбекского языка» (выходные данные не указаны). А. К. Боровков просто ограничивается утверждением, что в книге «много ошибок марристского порядка» и ссылкой на рецензию в газете «Правда Востока» от 6 марта 1951 г. (стр. 141).

Как известно, в обзоре А. К. Боровкова наиболее убедительными являются места, где достаточно априорной аргументации или ссылок на результаты исследований. Так, очень убедительна глава VII, где дается критика искусственно запутанных вопросов об общепародных языках Средней Азии. В отношении тюркских языков автор ссылается на исследования П. М. Мелиоранского и В. В. Радлова. К сожалению автор забыл, что следовало быть более конкретным и в отношении таджикского языка (кстати с цитаты о нем по тюркской ошибке, начинается эта глава). Очень убедительна и критика наивной «теории» происхождения языка А. П. Понделуевского (стр. 128—129), но уже гораздо более вялой и слабой является критика взглядов И. А. Батманова на пережиточность неразличения тюркскими языками некоторых глагольных и именных основ (стр. 130).

Нам кажется, что пора покончить с неточной формулировкой «формально неразличение существительных и прилагательных» в тюркских языках (стр. 131). Не говоря уже о синтаксических признаках, таких, как изафет, которые тоже относятся к формальным, в этих языках существительные в отличие от прилагательных (разумеется не субстантивированных), принимают аффиксы множественности, принадлежности и склонения. Правильно же говорить, что в тюркских языках морфологическая дифференциация существительных и прилагательных слабее, чем, например, в русском языке.

Прав А. К. Боровков, заявляя о том, что ненаучные представления о «трансформации» дезориентировали практиков педагогов, порождая неправильное отношение к национальным языкам (стр. 133). Прав он и в том, что случаи ассимиляции, приводящие к стиранию границы между основой и аффиксом (а к этому и сводятся примеры, разбираемые на стр. 133), еще не дают основания говорить о переходе во «флексивную стадию». Уместна и ссылка на известные слова И. В. Сталина о постепенном и длительном накоплении в языке элементов нового качества. Однако следует ли из этого, что эти элементы нового качества не должны занимать лингвистов? Очевидно что не следует.

«Языковедцам республик Средней Азии и Казахстана предстоит решить многообразные благодарные задачи истории и развития национальных языков — разработки словаря, грамматического строя, развития культуры речи» (стр. 146), — говорит в заключение автор. Если внимательно прочесть эту кондовку, то выходит, что, с одной стороны, А. К. Боровков безмерно преувеличивает роль лингвистов, возлагая на них решение задач самой истории языков, т. е. задач, поставленных лишь для целей народов, а с другой стороны он очень суживает их задачи, сводя всю работу к нормализации литературных языков. Кто же должен заниматься историей языков, их диалектологией, исторической грамматикой, их сравнительно историческим изучением? На это А. К. Боровков ответа не дает.

Очень интересна и привлекает к себе внимание статья А. Н. Кононова «Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (стр. 147—164). Стройность плана и стилистическая отработанность делают ее гораздо более собранной и четкой, чем предшествующая статья А. К. Боровкова. От последней она выгодно отличается и тем, что подводит итоги изучения турецкого языка в СССР и намечает довольно конкретно перспективы. Но не в пользу статьи А. Н. Кононова сравнение с той же статьей А. К. Боровкова, когда речь идет о критике ошибок в исследованиях по турецкому языку, изданных в период господства «нового учения» о языке. А. Н. Кононов подробно излагает «социальную теорию» и всю идеологическую и политическую порочность увлечения ею Н. Я. Марра. Но в свете совершенно справедливого заявления автора о том, что «советская наука никогда не была в единомыслии с турецкой буржуазно-националистической лженаукой» (стр. 149), его историческая справка является не очень актуальной, будучи более страницей из научной биографии Н. Я. Марра, чем из истории советской науки. Важнее было бы разобрать ошибки советских тюркологов, стоявших на позициях «нового учения» о языке. А. Н. Кононов повидимому, не видит у своих коллег и у себя каких-либо ошибок этого рода. Кроме тех, которые они разделяли с подавляющим большинством всех остальных советских лингвистов. Признание кассовости и надстроечности языка и утачивание об ошибках Марра, которые были им ясны. Автор ограничивается указанием на то, что он сам отдал

дать увлечению тотемистической «теорией Н. Я. Марра», не говоря, в чем заключается ошибочность этой теории.

Значительную часть своей статьи А. Н. Кононов строит в виде иллюстраций (на фактах турецкого языка) к отдельным положениям трудов И. В. Сталина по языкознанию (стр. 153—161). В этих иллюстрациях (сомнение вызывает пример образования турецкого прошедшего категоричекого времени и другие примеры, имеющие целью подтвердить следующий тезис автора «притягательный строй вытесняется в нем (в турецком языке — В. С.) строем местоименным, причем местоименный строй возникает и развивается из притягательного строя, т. е. аналитические формы возникают в результате изменения синтетических форм» (стр. 156). Если первая часть тезиса, за недостаточностью примеров и отсутствием сведения о их типичности и удельном весе, не может быть признана доказанной, по крайней мере для нетуркологов, то вторая на основании приведенного примера кажется просто ошибочной. Разве наличие местоимения подлежащего при глагольной форме с показателем данного лица, независимо от ее происхождения, делает эту форму аналитической? Скорее это тавтология, обычно выражающая подчеркивание подлежащего.

Противопоставляя новое слово *okul* старому *mektep*, автор упустил из вида, что первое слово вытеснило второе в ряды архаизмов так как стало обозначать и новое явление — также вытеснившее старое светскую школу, в отличие от духовной. При всей дискуссионности мысли автора о том, что старинным турецким языком вплоть до середины XIX в. быт и искусственным классовым жаргоном с его подробное обоснование представляло бы большой интерес.

Нам кажется, что, говоря о неизученности турецкого синтаксиса автор имел все основания (делать указание на работу С. С. Майзеля о турецком изафете, которая является крупнейшим вкладом в изучение турецкого синтаксиса и которая автору известна). Странно, что в продуманной программе А. Н. Кононова, предусматривающей все главные отрасли в деле изучения турецкого языка, нет ни одной темы, которая требовала бы привлечения других турецких языков.

Вызывает сомнение также уместность одновременного упоминания о задачах сравнительно-исторического изучения турецких языков и сопоставления их с русским языком при критике марровской трактовки сравнительно-исторического метода (стр. 148).

При А. Н. Кононов, когда говорит о недостатках старого сравнительно-исторического метода, прав он и в том, что надежным средством изучения языков является сравнительно-исторический метод, базирующийся на марксистской методологии и отводящий подобающее место семасиологии. Бесспорно также, что совершенствование старого сравнительно-исторического метода в этом направлении — неотложная задача советских языковедов (стр. 148—149). Но тем более от программы статьи какой является рецензируемая статья А. Н. Кононова, можно требовать ответа на вопрос, какое же участие в разрешении этой неотложной задачи возьмут на себя специалисты в области турецкого языка? Ответа на этот вопрос статья не дает. Это сильно снижает ценность заявления автора о сравнительно-историческом методе.

Статьей А. Н. Кононова заканчивается первая часть сборника. Часть вторая посвящена статьям на более частные темы отдельных языков. Таких статей шесть: три по японскому языку, одна по монгольскому, одна по китайскому и одна по таджикской диалектологии. Две статьи посвящены вопросам выражения винительного падежа (в японском языке — Е. М. Колпакчи и в монгольском — Б. Х. Тодасов) две — сложным предложениям (в японском языке — Н. И. Фельдман и в китайском — С. Е. Яхонтова). Самая большая статья второй части (стр. 278—354) принадлежит П. А. Сыромятникову. Это — «Система фонем японского языка». Авторы двух статей (Б. Х. Тодасов и С. Е. Яхонтов) подходят к своим темам с точки зрения систем современного языка, авторы же остальных статей пользуются данными исторической грамматики и сопоставлением с другими языками. В статье А. К. Боровкова по таджикской диалектологии есть, кроме того, и сравнения с родственными языками.

Недостаточность места заставляет нас ограничиться разбором только двух статей. Первая из них — статья А. К. Боровкова «Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков» (стр. 165—200). Автор постоянно говорит о взаимовлиянии двух языков — таджикского и узбекского, но пользуется материалами преимущественно таджикского. В некоторых случаях сопоставления не подвергаются никакому анализу, и даже непонятно, для чего они делаются. Так, например, на стр. 166—167 А. К. Боровков приводит ряд пословиц и поговорок одного и того же содержания в обоих языках. В них имеются общие слова, но их происхождение не указано, а следовательно читатель имеет право усомниться в том, что они являются результатом взаимовлияния. Упомянутый перечень пословиц заканчивается следующим положением: «Из этого можно вывести заключение, что при наличии таджикско-узбекского двуязычия происходит взаимный обмен лексикой в зависимости от сферы употребления того и другого языка в данных местных условиях» (стр. 167). Положение это само по себе очень вероятно, но оно несколько не

не подготовлено каким-либо анализом приведенных автором материалов. Не помогает и сравнение со «стр. 193 и след.» сочинения Л. В. Щербы «Восточно-татарское наречие», хотя и рекомендованного по всем правилам библиографии.

Автор описывает говор Касана Наманганской области, не сообщая, кстати, является ли этот населенный пункт городом или деревней. Обычно никаких указаний, как относиться описываемое явление к общетатарскому или узбекскому языку, он не дает, лишь в некоторых случаях говоря о сходстве с говором или группой говоров. Описание этого посвящено тринадцать пунктов, но в большинстве случаев читает из параллелизм отнюдь первое лицо с переводом, но без разделения слова на морфемы и без всякого другого анализа. Описание заканчивается образчиком связного текста с переводом (стр. 173), в котором нумерация предложений та же, что и в транскрипции образчика, и который почему-то назван «подстрочным». Снова никакого анализа не дано. Кстати, автор не только не смел пугнуть сказать, что представляет собой употребляемая им транскрипция, но даже не сделал никакого разъяснения относительно знаков, которые не вошли в его список состава гласных и состава согласных (стр. 168 и 169). Это ш, п, ы.

В предисловии к тексту говорится, что автор дает этот текст «перед тем как сделать некоторые выводы в отношении результатов таджикско-узбекского двуязычия на примере касанского таджикского говора» (стр. 173), но эти некоторые выводы следуют за новыми материалами по лексике и словообразованию и непосредственного отношения к тексту не имеют. Нам кажется, что дав описание касанского говора, автор обязан был дать этому говору общую оценку с точки зрения взаимовлияния таджикского и узбекского языков, но такой оценки в статье нет. Не нашел такой оценки и чувствительный говор, описываемый автором по работе О. Джалалова «Отношение чувского диалекта к таджикскому литературному языку» (Сталинабад, 1949), изданной по записям 1937 г.

Большее того, автор даже не считает нужным соответствующим образом определить некоторые явления, зафиксированные в данном им касанском тексте, хотя подобные же явления он отмечает для чувского говора. Так, например, в чувском говоре отмечается подмена «препозиционных форм постоинитивными, в результате употребления узбекского суффикса последнего падежа или поделого *учун*» (стр. 180). Но что же представляют собою два первых слова данного А. К. Боровковым (стр. 173) образчика касанского текста — *кадым* (кдым) — *В С* *ламонанда*? Здесь, во первых, предшествующие прилагательного определения своему определяемому — те черты тюркских языков, а не персидских, и, во вторых, суффикс местного падежа (*анди* узбекского произношения). Первое из этих явлений вообще замалчивается, а второе подается как особенность ряда говоров без упоминания о том, что это — модифицированная морфема тюркских языков.

«Во всех конкретных случаях таджикский язык и его местные диалекты и говоры сохранили свою специфику — грамматический строй и основной словарный фонд. Словарные заимствования из узбекского языка и отдельные морфологические элементы, в том числе новообразования глагола от узбекских основ, не меняют существа дела, как, например, и турцизмы в болгарском языке», — говорит автор на стр. 197. Но спрашивается, чему верить? Его словам или тем материалам, которые он приводит? Из заимствованных морфологических элементов выделять надо не «новообразования глаголов от узбекских основ», ибо это относится к словообразованию — отделу, наиболее близкому к лексике, а заимствование словоизменительных суффиксов.

Автор почему-то не касается и такого синтаксического момента, как взаимная позиция определяемого и определения прилагательного, что для языков с фиксированным порядком слов является весьма важным. Прав был бы автор, если бы он сказал, что, несмотря на многочисленные заимствования даже в основном словарном фонде и на усвоение некоторых существенных черт тюркского грамматического строя, — касанский говор все же остался таджикским. Таков вывод автор мог бы доказать и обязан был это сделать.

Ко всему прочему присоединяется небрежное отношение автора к транскрипции вызвавшие справедливое замечание по адресу А. К. Боровкова в списке опечаток и исправлений, приложенном к книге. Небрежно и все оформление работы. Как понять, например, такое предложение (стр. 197) «Своеобразные „морфологические плеоназмы“ в чувском говоре теоретически могли бы привести к ослаблению и утрате одной из каждой данной плеонастической пары, но этого не случилось, поскольку изменилась общая обстановка развития двух языков».

Читатель вспоминает, что о морфологических плеоназмах говорилось в связи со сравнительной степенью. Находим соответствующий пункт в описании чувского диалекта. Это пункт 1 на стр. 178, т. е. на 19 страничке разбираемого места. Там сказано «1 Появились своеобразные морфологические плеоназмы, например, два суффикса сравнительной степени тадж. *-тар* и узб. *роҳ*, *чуқуртарроҳ*, или *чуқурроҳтар* «глубже» (узб. *чуқур* «глубокий»), *тезроҳтар* «иди поскорее» и т. п.» О каком же паре идет речь? Прежде всего приходит в голову, что имеются в виду два суффикса,

но тогда рассуждения об ослаблении и утрате «одной из каждой данной» пары лишаются всякого смысла. Ищем другое значение для слов «плеонастическая пара». Оказывается, имеются в виду два варианта формы сравнительной степени тот вариант, где на первом месте таджикский суффикс, а на втором узбекский, и вариант с обратным порядком суффиксов. Но докончили прерванный нами пункт 1 « параллельно употребляются тадж предлог аз „из“, „от“ и узб исходный падеж дан в том же грамматическом значении, например, аз як касби аилашдан дунёва омадам „я родился в семье (буков от семьи) ремесленника“». В примере действительно одновременно употребляются таджикский предлог аз и узбекский падежный суффикс -дан, но грамматическое значение их здесь совсем другое происхождение, а не сравнение. Итак, пример ошибочный.

А К Боровков очень любит ссылаться на авторитеты. Читатель мог бы лишь благодарить автора за указание на сочинение, подсказавшее автору аргументацию или давшее материал для вывода. Но, к сожалению, ссылки часто заменяют А К Боровкову аргументацию. Вот, например, как объясняет А К Боровков наличие в ряде таджикских говоров притяжательного оборота [типа *асп-а сар аш* «голова лошади», где первое слово — существительное в родительном падеже — обозначает обладателя (здесь — «лошадь»), а второе — существительное с притяжательным суффиксом 3-го типа — обладаемый предмет (здесь — «готовая»)], в точности совпадающего по построению с узбекским оборотом того же значения « законность этой формы в таджикском подтверждается наличием аналогичной формы в осетинском и в таджикско-шугнанском, на что обратил внимание проф И И Зарубин С другой стороны, в ранней таджикской поэзии ХI в И С Брагинский была отмечена тождественная конструкция (*Рудакиро газалаш* «газель Рудеги»). Все это исключает утверждение об усвоении указанной формы в таджикских говорах обязательно (разрядка моя — В С) из узбекского языка. Таким образом, основные грамматические факты разъясняются на почве иранских языков» (стр 196—197). Далее следует ссылка на две работы И И Зарубина.

Сославшись на статьи И И Зарубина, А К Боровков счел себя в праве не приводить примеры из осетинского и таджикско-шугнанского и, наоборот, привел пример из наблюдений И С Брагинского, он не взял на себя труда указать, из какой книги или рукописи пример взят и как называется соответствующая работа И. С Брагинского.

Но предположим, что примеры неоспоримо доказывают наличие аналогичных конструкций во всех трех случаях. Доказывает ли это, что соответствующие конструкции в таджикских говорах не заимствованы? Сам автор сначала говорит о необходимости заимствования, а затем уже безоговорочно делает заключение о разъяснении основных грамматических фактов на почве иранских языков. Таким образом, в статье А К Боровкова выводы часто не вытекают из фактов, а поэтому остаются не доказанными.

Другая статья во второй части, на которой мы считаем нужным остановиться, — это статья Н И Фельдман «О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке» (стр 230—277). Статья Н И Фельдман состоит из двух частей. В первой излагаются теоретические исходные пункты анализа склоняемых конструкций и разбираются примеры из японского языка. Вторая же часть рассказывает об отношении к вопросу японских грамматистов и рассматривает интересную проблему превращения некоторых падежных аффиксов, оформляющих склоняемое придаточное предложение, в союзы.

Большое теоретическое значение статьи — в том, что в ней освещен узловый момент перехода в новое качество от распространенного оборота к придаточному предложению. Ядром первого является отглагольное имя, ядром же второго — по форме отглагольное имя, а функционально — спрягаемая форма глагола. При этом в таком придаточном предложении имеется подлежащее, оформленное соответствующим аффиксом, и сказуемое выражается так же, как и в самостоятельном предложении. Этот процесс иллюстрирует глубокую мысль И В Сталина о развитии языка путем развертывания и совершенствования его основных элементов, а не путем их уничтожения.

Статья обильно привлекает для сопоставления данные других агглютинативных языков, а реже — и языков другой типологии и может оказать большую пользу монголистам, тюркологам и другим лингвистам, имеющим дело с агглютинативными языками, она представляет значительный интерес и для всех лингвистов. Как показал уже Ф Е Корш в своем блестящем исследовании «Способы относительного подчинения»², проблемы синтаксиса для своего лучшего выяснения требуют привлечения языков, не связанных между собой общим происхождением. Больше того, некоторые параллели можно найти также в языках иной типологии. В этой связи надо заметить, что Н И Фельдман едва ли права, считая двумя неизменными условиями возможности образования подчиненных предложений, во-первых, наличие агглютинативного скло-

² Ф Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877.

нения и, во-вторых, наличие особых глагольных образований, одновременно сказуемых и склоняемых. Первое условие, повидимому, действительно обязательно, но при этом может оказаться, что агглютинативное склонение сопутствует флективному, второе же условие, по крайней мере теоретически, необязательно. Вспомним склонение артикля, сопутствующее флективному склонению в древнегреческом языке. Это склонение артикля сходно с препозитивной агглютинацией. Но в греческом языке любое предложение легко субстантивруется при помощи артикля. Легко себе представить, следовательно, и склонение такого предложения путем склонения его артикля. Специалистам в области греческого языка, вероятно, было бы полезно проверить, насколько такая возможность была действительно осуществлена в истории этого языка.

Скажем еще несколько слов о большой статье Н. А. Сыромятникова «Система фонем японского языка», которая производит весьма благоприятное впечатление. Эрудиция автора, его требовательность к себе и умение излагать делают его исследование не только интересным, но и доступным для любого лингвиста. Длительная дискуссия о фонеме на страницах журнала «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка» не должна пройти мимо этого исследования, достойного отдельного обстоятельного разбора.

В заключение необходимо остановиться на имеющихся недостатках в научно-техническом оформлении сборника: 1) многочисленные транскрипции и напивоальные орфографии ни в одной статье не объяснены. Для удобства читателей такие объяснения обязательны и должны помещаться в одном месте для всех статей; 2) текстовые примеры должны иметь русский перевод с нумерацией слов или лексических единиц, одинаковых с нумерацией в иноязычном тексте, или снабжаться подстрочным переводом в подлинном смысле этого слова; 3) обилие опечаток в простом и сложном наборе внушает недоверие к правильности примеров. Дирекция Института востоковедения необходимо принять действенные меры по подготовке технического персонала и повышению ответственности авторов за качество текстов.

В общем первый лингвистический сборник является удачным начинанием Института востоковедения АН СССР. В предисловии сообщается о подготовке сборника по китайскому языку; имеются сведения о подготовке лингвистического сборника японистами. Будем ждать от лингвистов Института новых исследований, которые будут свидетельствовать о плодотворной перестройке работы языковедов Института.

В. П. Старинин

Л.; А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. II. — М., Учпедгиз, 1953. 179 стр.

Имя члена-корреспондента Академии наук СССР, действ. члена Украинской академии наук Л. А. Булаховского хорошо известно языковедам Советского Союза и не только одним русистам. В своих работах Л. А. Булаховский всегда умеет сказать нечто новое, оригинальное даже и по таким вопросам, которые как будто уже давно разрешены. Поэтому появления второй части учебника «Введение в языкознание»¹, автором которого был назван Л. А. Булаховский, все языковеды ждали, вполне естественно, с большим интересом. Нам представляется, однако, что книга Л. А. Булаховского не оправдала этих ожиданий.

Рецензируемая книга представляет собою учебник. Известно, что к учебнику предъявляется ряд совершенно определенных требований: он должен отличаться ясностью и простотой изложения, точностью формулировок, научностью; необходимо также, чтобы учебник был интересным, чтобы он мог заинтересовать учащихся, привить им любовь к предмету. Можно ли сказать, что книга Л. А. Булаховского удовлетворяет всем этим требованиям?

Несомненно, книга интересна во многих отношениях, изобилует чрезвычайно любопытными для «посвящаемого в языкознание» примерами. Впрочем, преимущественная экземплификация из области славянских языков, значительно меньше изучаемых

¹ Замечание по адресу редакции издания: совершенно неправильно было озаглавливать книгу: Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, потому что это заставляло думать, что Л. А. Булаховский написал еще и первую часть, на самом деле, как известно, написанную проф. Чикобава. Книга последнего, впрочем, тоже была озаглавлена неверно: А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, так что можно было предполагать, что проф. Чикобава написал и другие части. Книги следовало озаглавливать: «Введение в языкознание», ч. I — автор А. С. Чикобава и ч. II — автор Л. А. Булаховский.